

Лу Дань, действуя аккуратно, детально осмотрел Фэн Мина, нащупал кончиками пальцев пульсирующую артерию на шее, спустился ниже и примерно в двух чи [1] от груди остановился. Хоть мужчина не делал каких-либо движений, однако лоб уже был покрыт почти незаметной испариной. Спустя долгое время Лу Дань, стянув с шеи юноши амулет, проговорил:

— Мёртвая кровь делает талисман крайне неблагоприятным, князю Мину нельзя его вновь надевать. — Сделав паузу, мужчина вытянул руки к собственной шее и, сняв нефритовую подвеску, сказал: — Этот древний нефрит был раскопан вместе с небесно-земным кольцом и обладает чудодейственным эффектом, который подавляет зло. Хоть на теле князя Мина нет каких-либо повреждений, однако его душа покинула тело, что очень сильно навредило изначальной ци [2]. Пусть носит этот нефрит, чтобы прочие злые духи не смогли посягнуть на его тело.

Заметив в словах всю искренность, что выражал господин советник, Жун Тянь взял нефритовую подвеску и внимательно рассмотрел её. Действительно, это был превосходный древний нефрит, который, попав в руки, становился тёплым, а не холодным. Мужчина прошептал:

— Премного благодарен господину советнику. — И собственноручно привязал вещицу на шею Фэн Мина.

Лу Дань вновь заговорил:

— Сейчас очень важно заставить душу князя Мина вернуться обратно в тело. Потребуется выполнить два условия: первое — нельзя, чтобы тело князя Мина получило какие-либо повреждения, второе — это... попытаться найти душу князя Мина.

Жун Тянь нахмурил брови:

— Безусловно, нужно защитить тело Фэн Мина, но как вернуть его душу?

Немного поколебавшись, Лу Дань ответил вопросом на вопрос:

— Позвольте спросить государя: Ваше Величество только что сказали, что это тело не принадлежит князю Мину. Это действительно так?

Изначально это было огромным секретом между Жун Тянем и Фэн Мином, и двое мужчин никому не раскрывали его, даже самым приближённым слугам, коими являлись Ле-эр, Жун Ху и трое служанок. Однако сейчас, когда Фэн Мин оказался в таком положении, нужно было рассчитывать на помощь Лу Даня, а это значит, хранить эту тайну больше нельзя.

Выражение Жун Тяня напоминало старинный омут, до дна которого сложно было дотянуться, а

сам мужчина неспешно проговорил:

— Об этом двумя словами не расскажешь, и очень трудно всё объяснить внятно. Однако господин советник может, не принимая это тело за тело князя Мина, протянуть руку помощи.

Всё ещё находясь в недоумении, Лу Дань задумчиво проговорил:

— То есть князь Мин уже однажды пережил переселение души. Свободной душе нравится находиться в том месте, где она жила, будучи блуждающим духом. Опираясь на собственные предположения, Лу Дань считает, что душа князя Мина сейчас, должно быть, находится там, где впервые вселилась в это тело. Вот только... нам неизвестно, в каком именно месте это произошло, — с безысходностью вздохнул мужчина.

Лицо императора Силэй слегка изменилось, однако сам мужчина не проронил ни слова, он исподтишка изучающе смотрел на Лу Даня. Не заметив и тени лукавой совести, Жун Тянь медленно ответил:

— Насчёт этого, мне известно.

— М?

— В императорском дворце Силэй, в покоях наследного принца.

— В покоях наследного принца? — Лу Дань с восхищением добавил: — Так это же очень хорошо, нужно вернуться в императорский дворец Силэй и позвать душу князя Мина, затем вновь произнести заклинание, позволяя душе вернуться в тело, и князь Мин тотчас же очнётся.

Беспокойства вносили сумятицу, однако, слушая предложение Лу Даня, в тоне которого чувствовалось ликование, Жун Тянь ощущал, как сердце колотилось в груди, а перед глазами появилась сцена: Фэн Мин, открыв глаза, сладко-сладко улыбается ему, Жун Тяню. В тот же момент, хлопнув себя по бёдрам, император Силэй внезапно поднялся на ноги:

— Этот император немедленно прикажет всей армии отправляться в путь и без остановки помчимся в императорский дворец.

— Государь, не спешите, — тотчас же остановил Лу Дань. — Тело князя Мина неподвижно, а душа ушла отсюда и скоро сюда вернётся. В пути если что-то произойдёт, разве это не навредит князю Мину?

Жун Тянь свёл брови к переносице:

— Неужели нужно направить людей, чтобы они призвали душу Фэн Мина обратно? —
Изначально это дело мужчина намеревался передать в руки Жун Ху, что было крайне уместно,
однако тот отправился на помощь Ле-эру и ещё не вернулся, поэтому нужно было поломать
голову, придумывая, кому лучше доверить это задание.

— Хорошо, чтобы человек, который призовет душу князя Мина, был его родственником.

Жун Тянь нахмурился ещё больше:

— У Фэн Мина нет родственников.

— Тогда нужен самый близкий ему человек, и чем сильнее отношения, тем лучше притянется
душа князя Мина.

— Выходит, неужели этому императору нужно отправляться в обратный путь?

Лу Дань, не сразу дав ответ, слегка вздохнул и тихо произнёс:

— Я понимаю, что государю расставаться с князем Мином действительно невыносимо...

Жун Тянь посмотрел на крепко спящего Фэн Мина и лишь спустя долгое время проговорил:

— Этот император понимает.

Взгляд глаз высокого, словно копье, мужчины был переполнен нежностью, а на губах
появилась шелковинка горькой улыбки:

— Есть ли у Фэн Мина кто-то ближе меня? — Повернувшись к Лу Даню, император Силэй
продолжил: — Многочисленная армия останется здесь, чтобы защитить тело Фэн Мина. А этот
император с несколькими охранниками отправится во дворец императора Силэй, чтобы
призвать душу Фэн Мина. А Вы, господин советник...

Лу Дань, не вправе отказаться, проговорил:

— Лу Дань, конечно же, составит компанию государю и вернётся в Силэй. Чтобы вызвать душу,
потребуется наставник, сведущий в заклинаниях и талисманах. Надеюсь, Лу Дань сможет
уделить небольшую часть своих сил.

В этих словах таилось заветное желание Жун Тяня, ведь как он мог уехать и оставить крайне
загадочного [3] Лу Даня с находящимся в обмороке Фэн Мином?! Этот высокий человек своей
внешностью мог обмануть народ, да и сам Жун Тянь, с трудом подавляя недоверие, которое всё

время охватывало его, услышав эти слова, проговорил:

— Так будет лучше всего, мы тотчас же отправляемся в путь.

На что Лу Дань вновь прервал молчание:

— Для призыва души требуется много дорогих лекарственных снадобий, прошу Вас, государь, прикажите слугам их подготовить. — Взяв лежащую на столе кисть, мужчина написал на изысканном шёлке для письма и отдал Жун Тяню.

Император Силэй посмотрел — действительно, это были дорогие лекарственные снадобья, к счастью, во дворце хранилось немного. Ради Фэн Мина как он, император Силэй, мог скупиться?! Кивнув, Жун Тянь проговорил:

— Этот император прикажет людям, чтобы всё подготовили, а господину советнику лучше сосредоточиться на призыве души Фэн Мина.

На что Лу Дань сказал:

— На призыв души много истратится как душевных, так и умственных усилий, Лу Дань может с этих пор прекратить вкушать мясо и рыбу и все силы потратить на совершенствование собственной изначальной ци.

— Господину советнику необходимы постные блюда, этот император может отдать приказ. Может, есть ещё какие-нибудь требования?

— Нет.

Обсудив с Лу Данем всё как следует, Жун Тянь проговорил:

— Господин советник должен подготовиться, так как через полчаса мы уже отправимся в путь. — Отправив Лу Даня прочь, мужчина вновь позвал Дунлина, чтобы пояснить генералу суть дела, и, понизив тон, сказал: — Лу Дань последует за этим императором обратно во дворец, а ты как следует охраняй его слуг, кроме Цю Лань и нескольких императорских служанок, остальным запрещено входить в императорскую палатку. Тех, кто вторгнется сюда и помешает отдыху князя Мина, тотчас же убивать.

О том, что душа Фэн Мина покинула тело, знали лишь те, кто находился тогда в лагерной палатке. Дунлин, посмотрев на крепко спящего юношу, с испугом спросил:

— Князь Мин болен? Нужно ли вызвать придворного лекаря?

— Лишь немного простудился, пустяки. Этот император оправляется навестить заболевшую матушку-императрицу, после чего немедленно вернётся. Ты должен внимательно следить за всем, не следует допускать ни малейшей ошибки.

— Слушаюсь!

Как только Дунлин покинул палатку, мужчина вновь приказал Цю Лань и остальным служанкам войти. Не дожидаясь, пока Жун Тянь откроет рот, девушки опустились на колени. Цю Лань, чьи глаза были красными, посмотрев на императора Силэй, проронила:

— Государь, не беспокойтесь, что бы ни произошло с князем Мином, это будет лишь на нашей совести. Ваши служанки и шагу не сделают, и независимо от того, кто подойдёт к палатке, мы не позволим им приблизиться к князю и даже его волоска коснуться.

— Хорошо, именно это нынешний император хотел вам приказать. Тщательно ухаживайте за князем, если Фэн Мин проснётся, этот император вас щедро наградит. Всё, вставайте. — Будучи в лагерьной палатке, Жун Тянь медленно сделал несколько шагов, и, остановившись возле Фэн Мина, мужчина не смог сдержаться и, вытянув руку, коснулся его лица. Гладкая, мягкая кожа. К тому же разве можно заметить, что душа покинула тело? В груди раздалась боль, словно в сердце вонзили нож.

Стоило Жун Тяню задуматься, как плохое предчувствие тотчас же охватило душу, словно их ждала долгая разлука. В конце концов, испытывая беспокойство, император Силэй подозвал к себе Цю Лань и с особой тщательностью проинструктировал:

— В то, что сказал Лу Дань, этот император не верит, однако, глядя на состояние Фэн Мина, в это невозможно не верить. Фэн Мин останется здесь под охраной многочисленной армии, однако они будут снаружи, а вы, как императорская прислуга, останетесь рядом с ним, к тому же через дня два вернутся Жун Ху с Ле-эром. Думаю, что будь у Лу Даня какой-нибудь хитрый план, он не посмел бы его осуществить. Только если по чистой случайности... произойдёт что-то непредвиденное, вы, не щадя жизни, должны защитить Фэн Мина. В семи ли за рекой Оман есть маленький рыбацкий посёлок, там в уединённом месте живёт Мэй Цзи. Если попадёте в опасную ситуацию, можете обратиться к ней за помощью, а она из уважения ко мне наверняка сможет помочь Фэн Мину. — Говоря это, мужчина достал карту, которую ему отдала сама Мэй Цзи, когда уезжала из Силэй.

Тронутый чувствами красавицы, Жун Тянь всегда держал эту карту при себе. Из-за страха вызвать ревность у Фэн Мина мужчина никогда не говорил о ней. Несколько раз, когда он, Жун Тянь, раздевался, она почти была видна, к счастью, Фэн Мин, будучи невнимательным, никогда тайком не ворошил одежду Жун Тяня, потому карта до сих пор осталась так и не раскрытой тайной.

Взяв карту и вспомнив, что всегда беспокойный Фэн Мин, узнай о ней, рассердился бы и устроил скандал, Жун Тянь почувствовал, как грудь охватила боль, обжигая сердце, словно внутри перевернули миску с горячей диковинной едой, смешивая [4] кисло-сладкие и терпко-

горькие вкусы. Если бы только Фэн Мин смог сейчас проснуться, и уже не важно было, устроит ли он от злости скандал, да что там скандал, даже если бы императорский дворец Силэй разрушился, то что с того?

Взяв карту, Цю Лань тщательно спрятала её. Жун Тянь с тяжёлым сердцем посмотрел на Фэн Мина и ласково проговорил:

— Фэн Мин, я очень скоро вернусь. — Направившись к выходу, собираясь уже уйти, мужчина внезапно остановился.

— Цай Цин?

Совершенно не ожидая, что государь может внезапно её позвать, Цай Цин в смятении отозвалась:

— Ваша служанка здесь.

— Ты тоже отправишься в Силэй, будешь прислуживать этому императору.

— А?

— Как? Ты не хочешь?

— Слушаюсь, Ваша служанка подчиняется приказу.

Когда немного стемнело, Жун Тянь, взяв с собой Цай Цин и нескольких телохранителей, а также Лу Даня, что сидел в своей повозке, отправился в столицу Силэй.

Проехав около тридцати ли, путники неожиданно увидели впереди слабо мерцающий свет огня, казалось, к ним навстречу мчатся конные войска. Два отряда постепенно приближались, и все они были под одним флагом — Силэй.

Жун Тянь сосредоточенно посмотрел вдаль: во главе отряда оказался Тун-эр.

— Государь! — Тун-эр, увидев мужчину, с удивлением и радостью натянул поводья и, подскочив к императору Силэй, воскликнул: — Государь явился, чтобы навестить вдовствующую императрицу? Мы отправили с гонцом письмо, но так и не получили ответа от Вашего Величества. Дядя затревожился, что армию постигло несчастье, потому и приказал мне спешно отправиться в путь, чтобы всё разузнать.

— Как самочувствие матушки-императрицы?

— Уже лучше, только скучает по государю. — Тун-эр сверкающими глазами посмотрел на Жун Тянь и со смехом сказал: — На самом деле я понимаю, что моя поездка напрасна, ведь император вместе с войском, разве может случиться несчастье? Только почему, получив новости, государь отправился в столицу?

Жун Тянь, не желая рассказывать, что произошло с Фэн Мином, блёкло ответил:

— Сегодня вечером получив письмо, нынешний император тотчас же отправился в путь.

На что Тун-эр с изумлением проговорил:

— Как можно? Вдовствующей императрице на третий день после отъезда государя стало немного нездоровиться, и мы сразу же послали письмо государю. Того, кто передал сообщение, я лично отправил, и, согласно дню его отъезда, государь должен был получить письмо ещё три дня назад.

Мужчина мрачно сказал:

— Плохо дело, с гонцом что-то не так, боюсь, что он шпион.

Все в ужасе вздрогнули. Тун-эр вновь сказал:

— Самочувствие вдовствующей императрицы уже изменилось в лучшую сторону, сейчас многочисленной армии, наоборот, нужно быть крайне внимательной. Позвольте Тун-эру составить компанию Вашему Величеству и отправиться обратно в лагерь, чтобы разобраться со шпионом, а там видно будет.

Жун Тянь спешил в столицу, чтобы призвать душу Фэн Мина, как он мог согласиться и тотчас же, развернувшись, отправиться обратно в лагерь? Однако мужчина понимал, что среди солдат затесался шпион, а это дело не шуточное. Тем более самое важное — тело Фэн Мина — сейчас в лагере под охраной армии, а если шпион, объединившись с другим неприятелем Силэй, начнёт творить всё, что взбредёт в голову, и причинит вред юноше, то как быть тогда?

В душе разгорался нестерпимый огонь, однако на лице и мускул ни дрогнул, наоборот, Жун Тянь, улыбнувшись, спокойно проговорил:

— На что способны два мелких негодяя? Этот император всё же вернётся в столицу и навестит матушку-императрицу. — И холодно крикнул: — Тун-эр!

— Здесь!

— Этот император передаёт тебе безграничную власть и приказывает тотчас же отправляться

в военный лагерь, где вместе с начальником дворцового охранного отряда Дунлином вы разберётесь с ситуацией и, схватив шпиона, допросите по всей строгости, даже с применением пыток. Не оставляйте без внимания и тех, с кем он часто связывался. Никого не следует щадить и во что бы то ни стало нужно подавить возникшую смуту.

— Тун-эр будет строго соблюдать приказ императора, — громко отозвался юноша, однако, нахмутив брови, с сомнением спросил: — Государь действительно не желает возвращаться вместе с Тун-эром в лагерь?

— У этого императора есть ещё особо важное дело. Военное положение — важнее, лучше вам скорее отправляться в путь. — Мужчина взмахнул хлыстом, заставляя коня под ним заржать и подняться на дыбы, а после стремглав помчался в столицу.

Жёлто-коричневая земля вновь высоко взметнулась, вырываясь из-под копыт.

Показались звёзды на небе.

«Небесные духи, прошу вас, позаботьтесь о моём князе Мине».

Примечания:

[1] Китайский фут — мера длины, равная 1/3 метра.

[2] Обр. в знач.: подрывать силы.

[3] В оригинале фраза звучит как «высота и глубина совершенно неизмеримы», обр. в знач.: чересчур глубокий, трудно постижимый, весьма заумный, недоступный для понимания.

[4] В оригинале фраза звучит как «ставить на одну доску» (что-л. с чем-л.), обр.: смешивать, валить в одну кучу (разные вещи, понятия).

<http://bllate.org/book/13377/1190131>